

А. В. Глухова

НОВЫЙ ЭТАП РОССИЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Начало нового века совпало для России с новыми перспективами, возникшими в связи с досрочной отставкой Б. Ельцина и последовавшими за ней внеочередными президентскими выборами. Несмотря на чисто формальную смысловую границу данной ситуации в политических и интеллектуальных кругах российского общества начал формироваться новый дискурс, связанный с ближайшими перспективами политического развития страны. На смену старой парадигме, интерпретировавшей политический процесс как борьбу пусть и несовершенного, но «демократического нового» с неприемлемым «коммунистическим старым» пришла новая антитеза — сохранение наследия «ельцинской эпохи» или радикальный разрыв с нею. И в общественном, и в массовом сознании сформировалось твердое убеждение в том, что наступил новый этап российской трансформации, хотя его траектории пока еще не просматривается достаточно отчетливо. Общепризнанной стала точка зрения о том, что количество и фундаментальность проблем, требующих незамедлительного решения, предъявляет экстраординарные требования к содержанию, качеству, безошибочности и точности действий нового главы государства и политического руководства в целом, призванных дать ответы на новые вызовы истории. Серьезность этих вызовов такова, что страна стоит перед необходимостью мобилизации всех сил и средств для резкого рынка вперед. Отложить его не удастся: резерв времени исчерпан. Неудача скорее всего обернется тем, что предстоящее десятилетие может стать последним этапом относительно самостоятельного существования России¹. Драматизм нынешнего политического момента подчеркивают многие авторы. По мнению О. Гаман-Голугвиной, сегодня политический процесс в России находится в точке, близкой к бифуркации: внутри- и внешнеполитические обстоятельства могут потребовать пересмотра сложившегося ранее курса независимо от первоначальных намерений первых лиц и неизбежно будут сопровождаться изменением параметров властных коммуникаций².

Эти заявления и умонастроения подтверждают устойчивость алгоритма исторического развития России, связанного с тем, что смена государственного деятеля на вершине власти (монарха,

генсека, президента) всегда создавала стимулы к переменам того или иного свойства (реформам, контрреформам, революционным скачкам) и была главным катализатором политического процесса.

Традиционная для России персонификация политики, тем более масштабных политических импульсов, привела к тому, что появление нового лидера воспринимается обществом как провозвестие новых начинаний, смысл и характер которых разные социальные группы воспринимают и трактуют по-своему. Дополнительным благоприятным фоном для нового лидера было почти полное бездействие на своем посту Б. Ельцина (в рамках второго срока), что не только обострило все объективно существовавшие общественные противоречия, но и сформировало в массовом сознании негативный психологический комплекс в отношении состояния страны. Так, по данным ВЦИОМ, в сентябре 1999 г. в массовом сознании россиян сложился стойкий консенсус относительно экономического положения России как неблагоприятного: 50,1 % респондентов считали его «плохим», 31,3 % — «очень плохим». На вопрос: «Как Вы полагаете, дела в России идут в правильном направлении или Вам кажется, что события ведут нас «не туда», в тупик?» 75,5 % избрали второй вариант ответа против 11,8 % респондентов, полагавших, что все идет правильно³.

Не менее пессимистическими были и оценки представителей интеллектуальной элиты. По данным экспертного опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в декабре 1999 г. среди руководителей и ведущих аналитиков региональных СМИ, последнее пятилетие в жизни страны характеризуется ими сугубо негативно: как период упадка, смуты, хаоса и разочарования, «демократического застоя». Второй срок правления президента Б. Ельцина, по их мнению, определялся процессом внутренней борьбы в стране, когда сформировалась криминально-олигархическая верхушка, произошел финансовый кризис и Россия оказалась в сильной зависимости от МВФ. Неутешительны итоги пятилетия и во внешней политике — Россия вынуждена противостоять странам Запада, с ее позицией не считаются, а мир стремительно превращается в «однополярный». Большинство экспертов считали, что в летописи России XX в. 1999 г. выступает как переломный, год новой надежды на выход страны из кризиса, год начала экономической стабилизации. Определяющим для этого года они называли и рост национального самосознания граждан, появление национальной идеи⁴.

Такой психологический фон наиболее благоприятен для появ-

ления новых людей, наделяемых едва ли не мессианскими свойствами, и реализации ими любых, даже самых неожиданных инициатив и начинаний. Обреченное ожидание смены политического руководства, подкрепленное убежденностью в том, что Б. Ельцин никогда не оставит свой пост добровольно, сменилось резким ростом надежд, связанных с появлением новых людей вначале в лице В. Путина, начавшего антитеррористическую операцию в Дагестане и Чечне (осень 1999 г.), а затем в лице поддержанного им избирательного объединения «Единство». Два этих фактора — социально-психологический и личностный — составили первую, субъективную, предпосылку ожидаемых перемен.

Другая группа факторов носит объективный характер и осознается не столько массами (последние ощущают это скорее интуитивно), сколько элитами. Речь идет о диагностике той болезни, которой — по общему убеждению — больно и государство, и общество. Так, по данным Госкомстата, с 1990 по 1999 г. падение валового национального продукта (ВНП) составило 42 %. Объем валового внутреннего продукта (ВВП) России за последние годы сократился почти в 2 раза. По совокупному размеру ВВП Россия уступает США в 10 раз, Китаю — в 5 раз и находится в четвертой десятке стран мира (по ВВП на душу населения — во второй сотне стран мира). После кризиса 1998 г. душевой размер ВНП сократился до 3500 дол., что в 5 раз ниже среднего показателя стран «большой семерки»⁵. По уровню жизни Россия находится на 71 месте в мире, по продолжительности жизни — во второй сотне. Впятеро сократился уровень инвестиционной активности и примерно в 20 раз — расходы на «научно-исследовательские разработки. С учетом таких показателей, придется, видимо, заново осмысливать геополитический статус России в современном мире, а также основные ориентиры ее внешней политики.

С точки зрения внутренних характеристик Россия представляет собой слабофедеративное (асимметричная федерация) государство с режимом, подменяющим собой государственные институты (как в Центре, так и в регионах), с коррумпированным правящим классом. Для российской политической системы характерны слабость институтов гражданского общества (групп интересов, партийно – политической инфраструктуры, судебной власти, местного самоуправления), отсутствие консенсуса по всем значимым вопросам федеративного и политико-правового устройства государства.

Таким образом, практически все нынешние институты и системы государства и общества имеют неустойчивый, переходный характер. Это создает предпосылки как для авторитарной, так и для демократической тенденции стабилизации государственного устройства и политической системы. Вся проблема в том, какая из этих двух тенденций возьмет верх. Главным критерием выбора должно стать завершение переходного периода с результатами, позитивными для большинства российских граждан. Такой результат гораздо чаще дает демократический, а не авторитарный вариант развития. Последний в силу своих специфических черт чрезвычайно расточителен в отношении материальных и человеческих ресурсов и даже там, где достигает ощутимых экономических результатов, не обеспечивает их должного справедливого распределения. В свою очередь, природа демократии такова, что предполагает учет и реализацию прежде всего политической воли и интересов большинства, притом, что меньшинство имеет отстаивать свои позиции благодаря праву на свободную критику, создание оппозиции, разработку альтернативного политического курса и т.д.

Траектория социально – экономического и политического развития России в последние годы рассматривалась преимущественно в рамках двух парадигм: запаздывающей модернизации и демократического транзита. На первом этапе политического развития России как самостоятельного государства (1991—1993) преобладали логика и риторика транзита, выполнявшие, помимо прочего, мощную мобилизующую функцию в борьбе против главного на тот момент «врага» — партийной бюрократии. Оформление институционального дизайна завершилось с принятием Конституции РФ (декабрь 1993 г.), ставшей правовой основой республики. На втором этапе (1994—1998) происходило совершенствование некоторых правовых и политических институтов и процедур, а также оформлялись посредством двусторонних договоров отношения между федеральным Центром и субъектами РФ. В триединстве российского транзита (демократические политические преобразования, экономические реформы, строительство федеративного государства) главный акцент делался на экономическое реформирование: финансовую стабилизацию, приватизацию в надежде, что эти процессы повлекут за собой позитивные перемены и в других сферах. Однако ход и результаты политического процесса, включая выборы различных уровней, показывали, что российская демократия остается неконсолидированной, как и большинство молодых демо-

кратий постсоветского пространства не пользуются значимой поддержкой граждан хотя и не отторгаются ими полностью. Между тем фаза демократии предполагает, что в данных политических и экономических условиях определенная система институтов становится единственно возможной, т.е. не оспаривается ни оппозиционной элитой, ни обществом. Этой цели служит то обстоятельство, что все основные политические силы усвоили главное правило политической игры: результат политической борьбы (включая электоральный процесс) не предопределен, незыблемы лишь правила, по которым она ведется. Консолидации демократии способствуют, как минимум, две смены правительств, осуществленные в соответствии с результатами парламентских выборов, и реальная, а не декларативная реализация принципа чередования у власти основных политических сил. Очевидно, что в современной России эти условия «не срабатывают»: система институтов (полномочия президента, статус парламента) постоянно оспариваются влиятельными политическими силами, формирование и отставки правительств никак не связаны с итогами парламентских выборов, реального чередования у власти основных политических конкурентов не происходит.

В рамках парадигмы запаздывающей модернизации нынешние итоги также выглядят малоутешительными. Из трех основополагающих процессов — модернизации общества, структурной перестройки экономики и освоения новой информационной научно-технической волны — состоялся, да и то с известными оговорками, лишь первый. Общепринятые критерии завершения переходного периода — устойчивый экономический рост, стабилизация социальной структуры за счет увеличения доли средних слоев, стабилизация политических структур и институтов — еще далеко не достигнуты. Это свидетельствует о том, что не дают должного эффекта такие социальные механизмы перехода, как мобилизация социального потенциала (т.е. совокупной энергии населения), позитивное взаимодействие с внешней средой (т.е. крупный приток инвестиций), а главное — отсутствует социальное управление как целенаправленная деятельность государства по нахождению баланса интересов различных групп и слоев, включая соответствующую социальную политику. В результате в России возникло «иррационально модернизированное» общество, экономически неэффективное и социально нестабильное. По мнению специалистов, главной причиной этого стало негибкое поведение политических, экономических и административных

элит: оно сделало невозможной эффективную социальную политику, направленную на блокирование неизбежной в переходный период социальной напряженности⁶.

Таким образом, несмотря на различия методологических подходов к анализу российской трансформации в 90-е гг., оценки ее результатов достаточно однородны. Совокупность вызовов и угроз, адресованных сегодня России, такова, что главным условием адекватного ответа является консолидация общества. В соответствии с теорией и модернизации, и демократического транзита главную роль на стадии консолидации играют социально-психологические, личностные и политические факторы. Иными словами, консолидация в современной России возможна вокруг нового президента как главного институционального центра власти и вокруг его нового курса, поддержанного как элитами, так и обществом.

Какие факторы действуют в пользу такой консолидации?

Во-первых, личный политический ресурс В. Путина как президента, поддержанного значимым большинством российских граждан, — около 53 % (приблизительно 40 млн. правоспособных граждан). Эта поддержка означает не что иное, как запрос формирующегося гражданского общества, посланный государственной власти, на наведение порядка в стране, сохранение ее территориальной целостности, искоренение терроризма, повышение уровня жизни и т.д. Именно решительные действия В. Путина против террористов в Дагестане и Чечне способствовали тому, что массовое сознание россиян в декабре 1999 г. начало освобождаться от сложившегося в нем за последние годы синдрома катастрофизма⁷. Вместе с тем отмеченные сдвиги в психологическом настрое населения могут обрести долгосрочный и позитивный характер лишь в том случае, если приобретут устойчивый материально-экономический фундамент, без которого любые процессы в обществе будут подвижными и изменчивыми.

Во-вторых, нынешнее положение страны впервые за долгие годы и властью, и левой оппозицией оценивается как неблагоприятное. При этом за основу взяты не идеологизированные рассуждения о степени демократизма или рыночности тех или иных мер, а универсальные показатели развитости государств, оспаривать которые с идеологических позиций невозможно. *Этот факт рационализации политического дискурса можно только приветствовать.*

Вместе с тем различные политические силы России по-разному смотрят на причины ее нынешнего положения. Политики правой ориентации продолжают винить во всех бедах эко -

номическую систему советского типа с присущим ей чрезмерным упором на развитие сырьевого сектора и оборонных отраслей, инициативы и конкуренции. К негативной оценке этой стороны советского наследия склоняется, хотя и в смягченной форме, и В. Путин⁷. Согласно позиции левых, причиной падения потенциала России и всех неудач последних лет явились ошибки в выборе и осуществлении стратегии реформирования российской экономики, приведшие к невиданной в современной истории деградации страны и превращению ее в сырьевую державу. Что же касается советского экономического потенциала, то исключительно благодаря его мощи страна еще продолжает существовать после десятилетия его «проедания».

Несмотря на разные оценки причин нынешнего положения страны, все основные политические силы в той или иной степени осознают, что выбор России небогат: вписаться в новое мировое разделение труда либо в качестве периферийного донора, принудительно отдающего кредиторам все излишки, либо в качестве спонсора, делящегося такими излишками добровольно. Естественно, что выработка и реализация нового политического курса должны быть ориентированы на вторую перспективу. Вопрос лишь в том, насколько приемлемыми окажутся его ключевые положения для всех ведущих политических сил и стоящих за ними социальных групп. При этом главное противоречие существует в вопросе о темпах, способах и социальной цене достижения указанной цели, по-разному трактуемых элитой и обществом. Российское общество интересуется в первую очередь темпы изменений и их цена, а бюрократию — возможность сохранения контроля над процессом преобразований. «Так называемый национальный интерес России состоит в том, чтобы ускорить темп социальных преобразований, позволяющих совершить технологическую модернизацию. Так называемый государственный интерес сводится по преимуществу к тому, чтобы в процессе изменений постоянно сохранять «преемственность курса», т.е. оставлять для государственной бюрократии возможность держать руку на общественном пульсе», — считает В. Б. Пастухов⁸. Бюрократический вариант развития консервативен по своей природе, поскольку нацелен на удержание контроля над ситуацией. Общественный вариант, напротив, революционен, потому что ориентирован только на изменение ситуации, причем в кратчайшие сроки. Его сверхзадачей является создание автономной и суверенной экономической системы, без которой бессмысленны титанические усилия по спасению государственности, традиции -

ционного суверенитета не способного противостоять глобализации мировых проблем, повсеместной универсализации и всеобщем экономической интеграции. Однако вопрос о том, каким именно образом будет осмыслено и разрешено противоречие между национальным и государственным интересом России, пока остается открытым.

В-третьих, в кругах российской элиты сложился ритуальный консенсус на лояльность В. Путину. Даже в отсутствие внятной экономической программы и четких, аргументированных планов укрепления государственности нет организованной и сплоченной оппозиции его намерениям и действиям (хотя отдельные критические высказывания имеют место). Это связано как с меркантильными соображениями приблизиться к будущей «партии власти» или войти в ее ряды, так и с устойчивостью традиционных моделей политического поведения и психологии, в частности сервизма. Помимо прочего, российская элита непривычна к методам публичной дискуссии, в особенности с представителями верховной власти, которым она обязана как своими высокими статусными позициями, так и материальным благополучием.

Энтузиазм и симпатии общества, лояльность элит по отношению к новому лидеру, а также опора последнего на силовые структуры даже склоняют некоторых наблюдателей к выводу о том, что в России сложились объективные предпосылки для авторитаризма, предотвратить который не только невозможно, но и не нужно. Все более популярной в кругах столичных интеллектуалов становится точка зрения, согласно которой возможности нового президента и всего политического класса России ограничены двумя сценариями: *движением к полномасштабной демократии либо через авторитаризм, либо через управляемую демократию*. Более предпочтителен по их мнению, второй вариант, обходящийся без замораживания деятельности демократических институтов и ограничения некоторых политических и гражданских свобод, но игнорирующий — в лице президента — слова и действия парламента, оппозиции прессы, если президент сочтет это необходимым в интересах развития страны⁹.

Экстравагантность предложенного маршрута превосходит все предыдущие: Россия уже осуществляла переход от капитализма к социализму в отдельно взятой стране; от социализма к капитализму (в кампании восточноевропейских стран); «шоковую терапию» и т.п. Помимо прочего, всякие попытки «управлять» демократией, корректировать результаты выборов, игнорировать конституционные институты власти, прежде всего парламента, и есть

собственно авторитаризм в его новых и более утонченных чем грубая военная диктатура формах. Вероятность прихода таким путем к конечному пункту назначения — демократии выглядит совершенно призрачной. Кроме того, реализация этого или подобного сценария будет чревата для России новыми противоречивыми и политическими конфликтами основные конфигурации которых просматриваются уже сегодня.

Первая линия конфликтного взаимодействия это - *сфера государственного строительства* (на официальном языке «укрепление государственности»). В силу специфики своего политического происхождения (армейские структуры либо спецслужбы) команда президента рассматривает укрепление государства как главный инструмент общественных преобразований. При этом существовавшую на протяжении последних лет анархо - бюрократическую вольницу в отношениях Центра и субъектов федерации, практиковавшуюся Б. Ельциным по принципу «свобода рук в обмен на лояльность», ставят в вину исключительно главам республик и областей. Каждый из двух основных субъектов федеративного процесса обвиняет другую сторону в нарушении либо демократии (упреки регионов федеральному Центру), либо государственного единства (обвинения в сепаратизме, предъявляемые регионам Центром). При этом аргументы каждой из сторон имеют под собой определенные основания. Однако анализ причин и следствий происходящего не должен вводить в заблуждение. Развитие отношений между федеральным Центром и регионами в России подтверждает справедливость заключений многих специалистов по демократическому транзиту (Р. Дарендорфа, А. Пшеворского и др.) об общей закономерной связи, существующей между федерализмом и демократизацией в многосоставных (полиэтнических) обществах. Согласно ей, *региональный сепаратизм не является причиной институционального провала в центре; напротив институциональный провал в центре создает условия, позволяющие региональным националист мобилизовать свои силы, чтобы стимулировать движение за независимость*. Иными словами, игнорирование Центром назревших проблем государственного строительства вынесение этих задач за рамки непосредственных интересов господствовавшей фракции правящего класса стало первопричиной нынешних трудностей в этой сфере. Монополизировав принятие важнейших государственных решений, федеральный Центр постоянно медлил с их осуществлением, вольно или невольно способствуя перерастанию латентного конфликт -

ного потенциала в открытые и злокачественные (деструктивные) формы.

Очевидно, что структурная напряженность полиэтнического российского общества создает немалые возможности для продолжения и углубления этнизации политики как перспективной политической стратегии, и уже появились силы, готовые этим воспользоваться. Однако это еще не дает оснований рассматривать нации и этносы как имманентный источник «внутренних угроз». Между тем в новой концепции национальной безопасности России этнонациональный, этнокультурный факторы присутствуют только в разделе «Угрозы национальной безопасности» в качестве конфликтонесущих: как источники «этносепаратизма», «этноэгоизма», «политического и религиозного экстремизма», «межэтнических конфликтов и терроризма» и т.п. Нетрудно себе представить, чем обернется игнорирование и даже «осуждение» естественной структурной сложности многосоставного российского общества. Еще драматичнее выглядят последствия непродуманных решений и неудачных действий в условиях и без того беспрецедентного обострения этнических проблем как в России, так и в мире в целом.

Помимо прочего, федерализм не является автономной политической проблемой. Выдвижение его в центр общественного внимания предполагает возобновление и конституционного процесса, и процесса формирования демократического политического режима во всей совокупности его институциональных, процедурных и ценностных аспектов. Однако те меры, которые начал реализовывать новый президент России для укрепления единства государства — создание семи административно-территориальных округов, совпадающих с военными округами: право на отстранение от должности избранных глав исполнительной власти и роспуск законодательных собраний, предоставленные федеральным законом, и т.п., — противоречат не только букве, но и духу демократической конституции. Наделение представителей президента дополнительными полномочиями, равно как и предоставление чрезвычайных полномочий ему самому, поставило бы под вопрос не только федерализм, но и демократию без всяких шансов достичь главной цели — сохранения государственного единства.

Другая конфликтогенная сфера — *экономика, отношения собственности, превращенные усилиями реформаторов в «игру с нулевой суммой»*. С точки зрения конфликтологии, «игра с нулевой суммой» представляет собой такую разновидность конфликта,

когда спорный ресурс достается одной, самой сильной стороне, за счет проигравшего. Вопрос о собственности давно уже стал ключевой проблемой страны, причем не только в экономическом, но и в политическом смысле — его острота и масштабность могут серьезно нарушить даже относительную политическую стабильность. Судьба процесса демократизации в любой стране предопределяется широтой его социально-экономической базы, и Россия здесь не является исключением. Известно, что в случаях, когда собственнический статус меньшинства обретается за счет разорения большинства, возникает так называемый *низовой этатизм*: массы обращаются к государству с требованием ликвидировать с помощью власти те завоевания гражданской автономии, которыми воспользовался лишь узкий слой нуворишей. В России такой заказ уже артикулирован и на уровне части элиты, и на уровне массового сознания. По данным РНИСиНП (март 2000 г.), в массовом сознании крепнет «комплекс отмщения» — требование конфискации несправедливо нажитых за годы реформ состояний. Причем сторонников подобной меры не смущает даже то, что новый передел собственности может привести к серьезным конфликтам в обществе. За «твердую руку» и конфискацию нечестно нажитой собственности выступают прежде всего представители среднего и старшего поколений, а из социально- профессиональных групп — рабочие (61,7 %); военные (65,2 %); ИТР — (52,9 %); гуманитарная интеллигенция — (52,5 %); пенсионеры городов (70,6 %); жители сел (65,4 %) и др.¹⁰ Об устойчивости этой тенденции свидетельствует то обстоятельство, что сходные данные распространили и другие социологические службы. Так, фонд «Общественное мнение» представил данные, полученные в ходе представительного всероссийского опроса, в котором 16 февраля 2000 г. участвовали 1500 городских и сельских респондентов. Согласно им, более половины россиян (60 %) считают, что итоги приватизации в стране необходимо пересмотреть. При этом лишь пятая часть российских граждан (21 %) придерживается противоположной точки зрения. Кроме того, свыше половины населения страны (52,6 %) ради наведения порядка, ради ее блага готовы поддержать такие меры, как жесткая экономия ограничение личного потребления и т.д. Примечательно, что в ельцинский период позицию самопожертвования во имя общих интересов разделяли не более трети россиян.

Возникает очевидный диссонанс между ожиданиями населения и намерениями нынешней власти, неоднократно заявлявшей

о том, что она против перераспределения собственности. Правительство проявляет странное безразличие и как бы не замечает происходящей концентрации стратегических отраслей промышленности в руках новых собственников которых при всем желании нельзя назвать эффективными. Безразличен кабинет к силовым методам захвата предприятий, к активному вмешательству глав регионов в вопросы передела собственности. Убийственным выглядит признание премьер-министра страны в том, что приватизаторы не знали и не знают, чем владеют и за что отвечают.

Такое положение очень опасно, поскольку сформировавшийся в России капитализм номенклатурно-олигархического типа контрпродуктивен, последовательно саботирует меры, направленные и на протекционистскую защиту национальной промышленности, и на укрепление геополитического статуса страны. Демонтаж национального производства и экспансия импорта (в том числе продовольствия) уже сегодня поставили под угрозу экономическую безопасность России. Естественно, что в отсутствие необходимой легитимации в общественном и массовом сознании такой капитализм будет постоянным источником напряженности и конфликтогенности с непредсказуемыми последствиями. Но это же обстоятельство создает возможность объединения национально-патриотической идеи с идеей антиноменклатурной экономической революции. «... «Борьба за экономику» утрачивает былой «академизм» и постепенно обретает статус общенациональной идеи», — считает А. С. Панарин¹². Такая перспектива станет особенно реальной, если материальное положение основной массы населения в очередной раз ухудшится. Энергия оскорбленного патриотического чувства (к нему, кстати, устами В. Путина взывает и власть) может трансформироваться в энергию антиноменклатурного, антиолигархического натиска. Как бы то ни было, но без изменения в отношении собственности пафос великодержавности и социальной солидарности, эксплуатируемый властью, грозит выродиться в очередную демагогию. Однако вопрос о том, захочет ли и сумеет ли власть или иной потенциальный субъект оседлать эту мощную антиноменклатурную энергию, пока остается открытым. Если этого не произойдет, мощная протестная энергия может оказаться направленной в том числе и против самой власти как антинациональной и антинародной.

Третья сфера конфликтного взаимодействия — взаимоотношения России с Западом. Запад долгие годы оставался главной для

российской элиты и части общества референтной группой, главным инвестором и кредитором российских реформ, а также самым желанным стратегическим партнером. Сегодня и в России, и на Западе эти отношения подвергаются пересмотру с акцентом на больший прагматизм. Вместе с тем очевидно, что в условиях глобализации и интеграции мира, с одной стороны, и фрагментации национальных государств — с другой невозможно никакое обособленное развитие. Попытки самоизоляции России, если они состоятся, не судят ей никаких перспектив. Вместе с тем критический анализ российских элит приводит некоторых западных наблюдателей к выводу о том, что Россия превратилась в политически недееспособное государство. Российские элиты лишь реагируют на внешнеполитические раздражители, в результате чего российская внешняя политика, по сути, фиктивна. Внешнеполитические интересы элит носят партикулярный характер, а отсутствие консенсуса между различными группами не позволяет сформулировать национальные интересы¹³. Отсюда неспособность государства проводить целостную внешнюю политику: оно лишь «симулирует» внешнеполитические позиции в международных организациях. После августа 1998 г. многие авторы склоняются к мнению о том, что политика Запада по отношению к России строилась на ошибочных прогнозах перспектив и характера развития трансформационных процессов, а возможно, и на неверной оценке политических партнеров. В любом случае переход России к демократии и рыночному хозяйству прогнозируется как длительный и постепенный.

Эти выводы и оценки подтверждают отмечавшуюся многими западными интеллектуалами (А. Глюксманом и др.) *ментальную границу* как главное культурное препятствие для полноценного общения и взаимодействия России и западной цивилизации. Имеется в виду различное, а то и прямо противоположное отношение к правам человека, суверенитету государства и другим ценностям наглядно продемонстрированное в ходе косовского конфликта 1999 г. Перспектива восстановления и укрепления России как унитарного, авторитарного и националистического государства означала бы, что ментальная граница с Западом из «бархатного занавеса» культуры превращается в новый «Железный занавес». В условиях переживаемой современным миром глобализации как экономического, политико-правового и культурного взаимодействия международная изоляция имела бы для России самые негативные последствия.

Между тем существует ряд факторов, способных направить

российский политический процесс именно в такое, конфронтационное, русло. Главный среди них — внутривнутриполитический контекст принятия решений в самой России. Последние заявления президента В. Путина свидетельствуют о том, что он намерен укреплять внутреннюю безопасность страны, причем не в узком военном аспекте, а широко — стремиться к быстрому экономическому росту, улучшению социальной защиты населения, устранению внутренних угроз и т.п. Для этого требуется поддержание благоприятной международной обстановки, и прежде всего дружественных отношений с Западом, чтобы сконцентрировать ресурсы на внутреннем возрождении России. Однако экономическое положение страны по-прежнему непрочное, и в случае нового финансового кризиса и ухудшения внутривнутрироссийской ситуации исходная ориентация российского руководства может измениться. Оно может поддаться искушению демонизировать Запад и пойти на конфронтацию с ним. Принимая во внимание не слишком сильную приверженность нынешнего российского президента демократическим принципам, а также свойственный ему прагматизм, можно полагать, что при ухудшении ситуации внутри страны он с готовностью займет позицию, отличающуюся большим элементом конфронтации. Но самое главное состоит в том, что зажим демократии под флагом ее «управляемости» или «патронажа» невозможен без образа внешнего врага, шпиономании и ограничения контактов с внешним миром. Определенные предпосылки для этого уже имеются. Так, после последних десяти лет видимого сближения России с западным миром уровень массовых опасений относительно других государств не уменьшился, а вырос: 66 % респондентов (против 42 % в 1994 г.) сегодня согласны с тем, что «нам никто не желает добра», «Россия всегда вызывала у других государств враждебные чувства». Противоположную точку зрения отстаивает лишь 27 % опрошенных¹⁴. Очевидно, что при определенной идеологической обработке, включая перманентное раскрытие шпионских заговоров и иных демонстрационных актов, почва для объявления изоляционистской политики будет оперативно подготовлена.

Наконец, взаимоотношения политических элит как зона конфликтогенности. Сегодня действительно обозначилась фиксируемая рядом авторов (О. Гаман-Голутвина) тенденция к властному монизму, преклонение перед силой как доминирующая установка поведения и центральной, и региональной элиты, и населения. Однако ее не стоит преувеличивать, особенно с учетом мотивов такого поведения. Действительно, в момент определения при-

оритетов правящим классом выбор был сделан в пользу В. Путина. Но эта сплоченность носит скорее конъюнктурный, чем принципиальный характер. Когда все спешат первыми засвидетельствовать свою лояльность, начинается «борьба бульдогов под ковром». В условиях превращения элиты в конгломерат самодостаточных замкнутых образований происходят закулисные столкновения суррогатных социальных общностей — ведомственных и местнических лоббистских образований, политиканствующих клик и кланов, мафиозных групп различного рода и размера клиентел, градируемых по степени близости к узловым пунктам распределительного механизма и его опекунам. Подобные процессы становятся своеобразными извращенными аналогами конкуренции в экономике и плюрализма в политике. Центр власти в лице президента может как возвыситься «над схваткой», взяв на себя роль арбитра, так и попытаться реализовать собственный кланово-олигархический интерес. В любом случае пропагандистское оформление этих сражений станет достоянием общественности, обретет публичный характер, поскольку на вооружении борющихся сторон находятся собственные информационные каналы.

Консолидация элиты объективно выступает одним из важнейших факторов процесса демократизации, при условии, что ее следствием становится формирование институциональных основ дальнейших этапов демократического транзита. Одним из наиболее эффективных механизмов такой институционализации являются политические договоренности — пакты между основными политическими силами страны по поводу распределения власти, ключевых государственных постов, а также проводимого политического курса. В постсоветской России все попытки заключения подобного пакта заканчивались неудачей, главным образом потому, что и власть и оппозиция скорее имитировали договоренности, чем демонстрировали намерение им следовать. Кроме того, преобладание исполнительной власти в российской политической системе и ее негласное право на лидерство в процессе новой консолидации элиты приводит к искажению главной Идеи пактизма как *взаимного обуздания амбиций и власти, и оппозиции* и готовности к сотрудничеству во имя общего блага. В реальности их договоренности носят временный, непрочный и закулисный характер, тщательно скрываемый от глаз общественности и избирателей. Но неспособность элиты к институционализации пакта приводила к тому, что в канун новых выборов и власть, и оппозиция разрывали прежние закулисные договорен -

ности и вступали в открытый острый конфликт друг с другом, разрешавшийся по принципу «игры с нулевой суммой». Победитель получал все, а проигравший в лучшем случае — статус главного оппозиционера. Такой алгоритм политического процесса лишь затрудняет достижение внутриэлитного согласия.

Отсюда понятна та консолидация, которая возникла в марте 2000 г. вокруг усилившего свою легитимность В. Путина. Однако отказ решать назревшую задачу заключения политического пакта, и прежде всего определения его институциональных форм и их упрочения посредством легитимации, приведет к тому что консолидация довольно скоро сменится новым расколом элит и новыми конфигурациями политических конфликтов.

Основанием одного из них — конфликта легитимности — может стать одна из важнейших и пока еще не решенных практических проблем - *соотношение между системной реорганизацией элитной трансформацией в России*. Известно, что в случае реорганизации институтов, но сохранения у власти прежних элит, процесс демократического перехода может быть блокирован и даже обращен вспять остающимися на разных этажах власти представителями старых, консервативно (или даже реакционно-настроенных кругов. Действия последних продиктованы не столько конфликтом интересов с представителями новой, демократической власти, сколько неприятием олицетворяемых ею новых ценностей. Наиболее известным историческим примером является Веймарская Германия, когда сохранившие свои институциональные позиции и приверженность консервативным ценностям представители армейских и аристократических кругов согласились на приход Гитлера к власти как более приемлемый для себя вариант политического развития страны, чем политический курс, проводившийся левоцентристской коалицией, находившейся тогда у власти. В России в начале 90-х гг. демократический прорыв во многом был заблокирован из-за сохранения партноменклатурой «второго» и «третьего» эшелонов своих властных позиций.

В результате парламентских выборов в декабре 1999 г. ситуация несколько изменилась: почти две трети Депутатов Государственной думы – новые люди; немало новых людей пришли в Кремль и в Белый дом. Однако социалистической перестройки в обществе не произошло, был осуществлен лишь очередной передел власти. В условиях отсутствия системной реорганизации и прежде всего пересмотра конституционных полномочий и компетенции основных ветвей власти, стремительная смена политичес

кой элиты может иметь не положительный, а отрицательный эффект. Конституционная система государства «перемелет под себя» новый политический призыв, и общество получит *очередной застой* с пышным расцветом коррупции, правовым нигилизмом, оттоком капиталов за рубеж, что окончательно дискредитирует и конституцию, и институт выборов, и сам российский парламентаризм.

Можно согласиться с фактом деидеологизации внутриэлитных отношений, ослаблением идеологических разногласий как основания для противостояния, хотя и в прошлые годы идеологии выполняли скорее функцию маркировки противников и мобилизации сторонников, чем изложение принципиальных политических позиций, а тем более следование им. Но раскол в российской элите всегда носил более глубокий, чем идеологические разногласия, характер: это раскол социокультурный, и его признаки обозначились уже в первые месяцы работы новой Думы и нового президента. Новая политическая конфигурация в Парламенте, так возмущившая российскую демократическую общественность, на самом деле достаточно естественна и органична: представители правого и левого консерватизма (в лице «Единства» и КГРФ) отторгают субкультуру либеральной богемы как неорганичной части нового правящего класса. И в дальнейшем претензии последней на лидерство будут жестко блокироваться в силу прежде всего ее инокультурной природы.

Нельзя оценивать однозначно и факт снижения остроты традиционной для России дихотомии «Власть—оппозиция», хотя левая оппозиция действительно оказывается втянутой своими определенными сегментами в различные кланово-корпоративные структуры. для любой оппозиции это чревато потерей не только политического лица, но и социальной базы. Со сложной проблемой партийной идентификации сегодня столкнулись российские демократы, особенно СПС: своим генезисом они связаны с существующей «партией власти», ей обязаны институциональным и финансовым капиталом, но идеология предполагает оппозиционную роль по отношению к нынешнему политическому курсу, особенно в области свободы слова и печати. Такой своеобразный когнитивный диссонанс, сопровождающий идентификационный кризис, чреват серьезными разногласиями И даже расколами в рядах правых, что отчасти уже произошло после отхода активистов «Демократической России» От «Союза правых сил».

Не менее реальна угроза потери поддержки избирателей для

новой «партии Власти» — «Единства». Ожидания, адресованные ей обществом в декабре 1999 г., полярно противоположны некоторым намерениям ее либеральных теоретиков и консультантов и прежде всего экономической программе Г. Графа. Кроме того, после выборов становится все более очевидным, что перераспределение сил в центре политического спектра носило а носит довольно поверхностный характер. Голоса аполитичных избирателей, доставшиеся вначале блоку Ю. Лужкова — Е. Примакова, затем легко переключались к В. Путину и «Единству». Сегодня довольно сложно сказать, насколько устойчива эта поддержка, но очевидно, что она вряд ли переживет очередной виток экономического кризиса и сопряженных с ним материальных невзгод для значительной массы населения.

Однако всего опаснее «игры с властью» для КПРФ как самой массовой оппозиционной партии. В случае, если новый курс президента в очередной раз сведется к перекладыванию всех тягот и лишений реформ на плечи слабодоходных социальных групп, ответственность за это ляжет и на коммунистов. Не исключено, что КПРФ покинет ряды главных политических игроков, превратившись в маловлиятельную маргинальную группу. Однако устранение крупнейшей оппозиционной партии создает гораздо более серьезные угрозы для политической стабильности, чем наличие организованных оппозиционных сил. В свое время падение веры в действенность социал - демократических партий привело к появлению в Европе фашизма и национал - социализма. Сегодня проявление этой тенденции вновь дает о себе знать: в Австрии представители Австрийской партии свободы впервые после второй мировой войны вошли в состав правительства благодаря законной победе на парламентских выборах. Нельзя не согласиться с точкой зрения известного американского социолога И. Валлерстайна о том, что сегодня крах старых левых, т.е. традиционных антисистемных движений, создает величайшую опасность для капиталистической системы «На практике данные движения служили гарантом существующей системы: они внушали беспокойным классам, что более эгалитарный мир на горизонте, а тем самым поддерживали в обществе одновременно и оптимизм, и терпение»¹⁵. За последние двадцать лет народная вера в эти движения (любых вариантов) распалась, что означает потерю возможностей канализировать нарастающее недовольство «ненадежных классов» в узаконенные институциональные рамки.

Кроме того, левые партии и движения всегда настаивали на

укреплении государственных структур в целях изменения всей капиталистической системы. Утрата ими серьезных политических позиций означает разрушение веры населения в реформистское государство и, как следствие, нарастание анархистских тенденций и рост иных, негосударственных, защитных структур. «С аналитической точки зрения, данные подвижки — дорога назад, в феодализм», — заключает И. Валлерстайн¹⁶. Думается, что и в России не заставит себя долго ждать появление новых радикальных сил и движений, спешащих занять место нынешней системной оппозиции и бросить прямой вызов государству в части исполнения его функций. Нельзя не отметить, что основной чертой массовых настроений стало широко распространенное и стойкое чувство политического отчуждения народа, и прежде всего осознание невозможности реально влиять на принятие важных государственных решений, определяющих судьбу людей. По данным социологических опросов, большинство респондентов не доверяют ни одному институту общества; ниже всего котируются профсоюзы. На сравнительно высокий уровень доверия могут претендовать только пресса и Церковь, хотя и их рейтинги заметно снижаются. Зато налицо тенденция к возврату к традиционным авторитарным представлениям: вера «в доброго царя». Следовательно, роман власти с народом в современном и демократическом духе так и не получился. Более того, из итогов мониторинга следует, что ни одна из сторон к этому всерьез не стремится, — а это не очень удобная точка старта для нового этапа реформ. И хотя после выборов нового президента 54 % граждан считали, что он сможет изменить к лучшему экономическую ситуацию в стране, барьер политического безразличия не преодолен, доминируют массовая апатия и уныние. Авторы программы опросов обращают внимание на то, как трудно сегодня их проводить — в стране не ведется никакой общенациональной дискуссии; 30 % населения не думает о своем отношении к действиям правительства. Массовый интерес и реакцию вызывают только бытовые вопросы¹⁷. Иными словами, общество дистанцировалось от властной верхушки и живет своей жизнью.

Таким образом, новый этап развития России не будет бесконфликтным, что само по себе закономерно. Стабильность переходного общества — это стабильность его изменения, тогда как сохранение status-quo свидетельствует о неблагополучии. Жесткая дилемма стабильности или демократии, нередко встречающаяся в отечественной литературе, не отражает, а искажает реальные проблемы трансформационного процесса. Нации, предпочитаю -

щие стабильность демократии, не получают ни стабильности, ни демократии и, строго говоря, не заслуживают ни того, ни другого. Но изменения, обусловленные демократическими преобразованиями, должны быть упорядоченными, отвечающими интересам большинства граждан, а возникающие при этом конфликты разрешаться мирными, ненасильственными способами. Как уже говорилось, на стадии консолидации демократии велика роль прецедента, создаваемого лидером и политической элитой. Насколько новый российский лидер и группирующаяся вокруг него элита способны создать такой прецедент ненасильственного и конституционного разрешения конфликтов, покажет ближайшее будущее. Но уже сегодня очевидно, что попытка действовать в обход конституционных норм, игнорировать реальные, болевые точки российской действительности и опираться в своей деятельности на «старых» людей, имеющих стойкую негативную репутацию в общественном мнении, не только не приведет к успеху, но и подорвет ресурс доверия лично президенту. Не исключено, что в результате этого может быть дискредитирован сам институт президентской власти в России, что реанимирует старые проекты обустройства государства и ввергнет страну в новую полосу политической нестабильности.

---

¹ См.: Т р е т ь я к о в В. Россия: последний прыжок в будущее // Независимая газета. 2000. 24 февр. С. 8.

² См.: Гаман - Голутвина О. Бюрократия или олигархия? // НГ - сценарии. № 3. 2000. 13 марта. С. 7.

³ См.: Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1999. Сент.-окт, № 5. С. 5.

⁴ См.: Поле мнений. Дайджест исследований фонда «Общественное мнение». 2000. Март. Вып. 2. С. 40

⁵ См.: П у т и н В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 2000. 30 дек. С. 4.

⁶ См.: Н а у м о в а Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999. С. 35—39.

⁷ См.: Г о р ш к о в М. Н. Граждане России об итогах 1999 года и надеждах на 2000-й // Независимая газета. 2000. 14 янв. С. 8.

⁸ П а с т у х о в В. Б. Национальный и государственный интересы России: игра слов или игра в слова? // Полит. исслед. 2000. № 1. С. 93—94.

⁹ См.: Т р е т ь я к о в В. Диагноз: управляемая демократия // Независимая газета. 2000. 13 янв. С. 1, 3; М а р к о в С. Манипулятивная демократия // Там же, 2000. 2 Марта. С. 8; Б у н и н И., М а к а р е н к о Б., Р о с с л а в л е в К. Патронируемая демократия // Там же 2000. 20 июня. С. 8.

¹⁰ См.: Г о р ш к о в М. Н. Второй тур выборов совсем не исключен // Независимая газета. 2000. 21 марта. С. 8.

¹¹ См.: Независимая газета. 2000. 7 Мая. С. 4.

¹² П а н а р и н А. С. Политология. М., 1997. С. 363.

¹³ См.: S e g b e r s К. Transformationen in Rußland: Eine neoinstitutionalistische Interpretation // Osterreichische Zeitschrift für Politicwissensschaft. 1997. № 26. S. 270.

¹⁴ См.: Л е в а д а Ю. «Человек ограниченный»: уровни и рамки притязаний // Социальные и экономические перемены. Мониторинг общественного мнения. 2000. № 4. С. 12.

¹⁵ В а л л е р с т а й н И. Социальная власть вечна? Ничто никогда не изменяется? // Социол. исслед. 1997. № 1. С. 20.

¹⁶ Там же.

¹⁷ К а л а ш н и к о в а М. Власть и народ не едины // Независимая газета. 2000. 6 мая.